Я. Благовѣщенскій.

ЛУЧШАЯ ФОРМА ПРАВЛЕНІЯ — ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА!

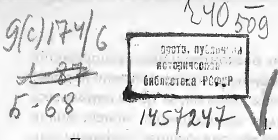
(Монархизмъ, республика, областничество, роль арміи).

Цѣна 12 коп.

ИРКУТСКЪ
Тип. Тор. Дома П. И. Макушина и В. М. Посохина.
1917.

От автора.

Настоящая брошюра не имѣетъ задачей проведенія опредѣленной партійной программы. Мы не упускаемъ важнаго значенія борьбы силъ и классовъ населенія для образованія формъ государственной жизни, но имѣемъ въ виду съ *правовой* стороны подойти къ основамъ новаго государственнаго строя, указать юридическую несостоятельность стараго и *намѣтить* лишь основную республиканскую идею, предоставивъ уже самому читателю на основѣ намѣченной схемы надумать болѣе опредѣленные выводы въ строго партійномъ отношеніи.

I.

Писать, въ условіяхъ настоящаго момента доказывая то положеніе, что республика есть лучшая форма народоправства въ Государствѣ, полагаемъ, значило-бы ломиться въ открытую дверь. Царизмъ ужъ слишкомъ ярко демонстрировалъ передъ нами полную свою непригодность къ разрѣшенію насущныхъ вопросовъ государственной и общественной жизни. Фаворитизмъ, т. е. личныя и часто корыстныя вліянія (яркій примѣръ ихъ - Распутинъ) въ назначеніи на всѣ крупныя и мелкія должности государственнаго управленія, назначеніе при этомъ людей несоотвѣтственно ихъ способностямъ и опыту, а просто потому, что они „угодили" вліятельнымъ лицамъ, борьба на почвѣ охраненія своей власти съ выдвигаемыми народомъ лучшими его силами, его политическими и духовными вождями—вотъ неизбывные пороки Монархизма, въ силу его существа, въ силу его природы неустранимые даже при наличіи самой совершенной конституціи. Разъ наряду съ вождями, представителями народа будетъ существовать когда-либо царская несмѣняемая и наслѣдственная власть, будетъ монархъ, царь,—то въ силу одного своего положенія онъ всегда явится носителемъ чисто—личнаго начала въ управленіи государствомъ, всегда будетъ силой, *лично* конкурирующей съ представителями народа въ области вліянія на дѣла государственныя и общественныя. „Такъ было и такъ будетъ", (т. е. Имперія будетъ управляться вопреки желанію народа личной волей царя и его приближенныхъ)—вотъ какъ охарактеризовалъ нашъ прежній порядокъ одинъ изъ ревностныхъ слугъ царизма. Этими словами прекрасно очерчена сущность *Монархизма*, его политика, темныя вліянія приближенныхъ Двора на вну-

треннюю жизнь государства и безконтрольное распоряженіе средствами народа. Если выборные представители народа, являясь отвѣтственными за свои дѣйствія, за трату народныхъ денегъ, должны сообразоваться съ народною волей, иначе при недостаткѣ къ нимъ довѣрія они будутъ смѣнены (не будутъ вновь избраны), то наслѣдственный и окруженный ореоломъ народнаго почитанія монархъ, каковъ бы онъ ни былъ, всегда явится *безотвѣтственной* силой, безотвѣтственнымъ въ своихъ личныхъ склонностяхъ и поступкахъ. При управленіи дѣлами государства вѣдь нельзя не отвести нѣкоторую роль главѣ государства, монарху; вліяніе-же послѣдняго на нихъ всегда будетъ чисто личнымъ въ пользу тѣхъ, кто сумѣетъ приблизиться къ монарху, пріобрѣсти на него въ свою очередь чисто личное вліяніе. Въ чьихъ же рукахъ окажется это вліяніе? Приближенными царя всегда будутъ люди не принципіальные, а въ своихъ корыстныхъ интересахъ льстящіе Престолу, тѣ люди, которыхъ нашъ поэтъ Лермонтовъ такъ мѣтко охарактеризовалъ уже около ста лѣтъ тому назадъ словами: „толпою жадною стоите вы у трона, свободы, генія и славы палачи!“.—Люди, которые не льстили царямъ, а призывали ихъ къ тяжелой работѣ на благо народа, всегда оттирались угодниками отъ трона, ибо эти люди утруждали царя *печальными* мыслями о нуждѣ и темнотѣ народныхъ массъ. А это такъ скучно!

Несмѣняемый монархъ, получая тронъ по наслѣдству, былъ поэтому самому безотвѣтственнымъ за свои личныя дѣйствія по управленію страной. Начало отвѣтственности, примѣненное къ нему, сдѣлало бы его уже не царемъ, а смѣняемымъ выборнымъ Президентомъ республики. По существу своего положенія монархъ представляетъ собою такимъ образомъ воплощеніе личныхъ и большею частью темныхъ вліяній на дѣла государственнаго управленія. Поэтому наука государственнаго права въ конечныхъ своихъ выво-

дахъ рѣшительно возстаетъ противъ монархизма, какъ *системы* управленія государствомъ.

Насколько же тёмныя безотвѣтственныя вліянія вредны или полезны для государства, недавнее прошлое изъ жизни изстрадавшейся Россіи и быта нашего царскаго двора, управлявшаго ею, повторяю, дало слишкомъ яркій примѣръ, чтобы могло возникнуть еще какое бы то ни было сомнѣніе по этому поводу. Вотъ почему доказывать нынѣ то положеніе, что *республика* есть *лучшая* форма участія народа черезъ своихъ *отвѣтственныхъ* представителей въ управленіи государствомъ, значило бы, при яркомъ выясненіи всего вышесказаннаго въ сознаніи всѣхъ разумныхъ и живыхъ силъ русской общественности, ломиться въ открытую дверь. Монархія потому и упала, что ясно показала народу всю свою несостоятельность справиться съ задачами управленія страной; она измѣняла интересамъ ея, съ безумной расточительностью растрачивала деньги народныя и, отстаивая полную безотвѣтственность своей власти, боролась со всѣми лучшими силами народа. Потому-то она и была опрокинута народною волею.

II.

Какая же у насъ должна быть республика?.

Конечно для народа самая лучшая республика—демократическая, т. е. *истинно-народная.*

Другого отвѣта не можетъ быть дано: онъ вытекаетъ изъ самого понятія „Республика"—господство народа. Въ республикѣ доступно *всѣмъ* классамъ народа участвовать черезъ своихъ представителей - выборныхъ въ управленіи дѣлами государства. Лозунгъ „Демократическая Республика" принятъ теперь всѣми политическими партіями въ Россіи, начиная съ ка-детъ. Рѣетъ онъ также, какъ развернутое красное знамя, и надъ идеалами обширныхъ политическихъ группъ страны. Необходимо поэтому строго послѣдователь-

но развернуть его и намъ, сдѣлавъ изъ него всѣ выводы о „демократизмѣ“ устройства аппарата государственной власти въ республикѣ.

Въ демократическомъ строѣ управленія государствомъ должны быть представлены и найти примиреніе и выходъ къ *культурной* борьбѣ всѣ живыя силы нашей страны, всѣ классы ея населенія. Толковать понятіе „*Демократизмъ*“, какъ устраненіе интеллигенціи и участіе въ управленіе государствомъ *только* слабыхъ по экономическому или прежде существовавшему политическому положенію слоевъ населенія, явилось-бы недоразумѣніемъ, вытекающимъ изъ политически неправильнаго положенія. Это было-бы также неправильно, какъ если бы въ силу большей интеллигентности или экономической мощности другихъ привиллегированныхъ классовъ, требовать для нихъ также большаго вліянія на дѣла государственныя *въ ущербъ* упомянутымъ слабымъ слоямъ населенія. Поэтому отбросимъ при опредѣленіи реальной формы лучшаго устройства нашего будущаго государственнаго механизма власти, всѣ теоріи о правѣ тѣхъ или иныхъ классовъ или слоевъ населенія на бо́льшее вліяніе въ дѣлахъ государственныхъ и общественныхъ, чѣмъ они этого заслужили своей живой дѣятельностью, своимъ трудомъ на пользу благоустройства государственной жизни. Въ интересахъ общаго блага остановимся на принципѣ истиннаго демократизма, т. е. вниманія къ жизненнымъ нуждамъ всѣхъ слоевъ населенія въ государствѣ и возможнаго примиренія ихъ интересовъ въ будущемъ государственномъ строѣ Россіи. Возможность таковаго примиренія будетъ намѣчена предоставленіемъ всѣмъ въ лицѣ своихъ представителей соотвѣтственной роли въ дѣлахъ управленія государствомъ. Наиболѣе-же полное примиреніе интересовъ всѣхъ живыхъ силъ въ политическомъ строѣ страны необходимо, хотя на время, нашему народу, ибо только оно дастъ ему, если и не

идеальный „соціальный миръ", то правильный исходъ борьбѣ его силъ, что и придастъ насколько возможно *мирный* характеръ этой борьбѣ. Обида однѣхъ живыхъ силъ въ угоду другимъ мира не дастъ и породитъ въ обостренныхъ формахъ злобу и вражду, которыя будутъ питать опять смуту и разладъ въ странѣ. Ихъ же мы стремимся избѣжать, создавая новый строй: довольно человѣконенавистничества и вражды было проявлено въ старомъ! Неужели не позволительно стремиться къ ихъ устраненію или по крайней мѣрѣ къ направленію борьбы въ культурное русло? Поэтому, полагаемъ мы, республика, чтобы быть справедливой, только и можетъ быть *демократической*, какъ признающей принципъ *равенства*, исходя изъ уваженія, какъ къ интересамъ отдѣльныхъ группъ, такъ и къ личности и правамъ каждаго человѣка-гражданина нашего отечества.

Уничтожая несправедливыя *привиллегіи*, всетаки будемъ помнить, что необходимо отнестись съ уваженіемъ къ правамъ каждой группы населенія безъ стремленія гнетомъ и насиліемъ подавить ихъ значеніе, которое они пріобрѣли знаніемъ и трудомъ. Борьба живыхъ силъ народа въ желательномъ строѣ нашего будущаго, хотѣлось бы, чтобы протекала по возможности въ культурныхъ формахъ свободной общественности; для этого и произведенъ переворотъ, свергнутъ старый порядокъ. Республиканскимъ строемъ будетъ наиболѣе обезпечена *свобода* этой борьбы, а потому будутъ наиболѣе обезпечены и шансы на ея мирный исходъ и на культурныя формы ея проявленія. Придавая такимъ образомъ термину „демократическая республика" трудовой характеръ при опредѣленіи демократизма, покамѣстъ не будемъ вдаваться подробно въ критическій разборъ и въ технику устройства будущихъ высшихъ государственныхъ выборныхъ учрежденій: напр. выборъ президента парламентомъ или народомъ; одна или двѣ палаты; вторая палата,

если она почему-либо будетъ признана необходимой, и при демократическомъ строѣ республики можетъ быть построена также на демократическомъ принципѣ представительства знанія, профессій, долгой службы на высшихъ *выборныхъ* должностяхъ въ мѣстномъ управленіи и т. п. опять таки на *трудовомъ* принципѣ.)

Оговоримся еще, что толкуя о силахъ, мы имѣмъ въ виду роль именно *живыхъ* силъ въ будущемъ устройствѣ нашего государственнаго аппарата власти. Эти силы—въ самомъ народѣ и въ выдѣляемыхъ имъ интеллигентныхъ, образованныхъ его слояхъ. Отжившая, правившая нами недавно бюрократія ни въ какомъ случаѣ не была такой силой: она довела государство до разложенія. Народъ и его лучшіе люди—вотъ истинно живая и всегда обновляющаяся сила въ противовѣсъ замкнутымъ сословіямъ и кастамъ, которыя вслѣдствіе своей замкнутости по неумолимому закону исторіи вырождаются сами собой и умираютъ естественной смертью, уничтожаются, какъ соціальныя силы.

Упомянемъ также еще во избѣжаніе недоразумѣній, что слово «классы» мы хотимъ понимать болѣе, какъ широкія группы населенія, объединенныя главнымъ образомъ на почвѣ общности своихъ *трудовыхъ* экономическихъ интересовъ. Мы не хотимъ подчеркивать антагонизма, рѣзкой противоположности интересовъ собственниковъ орудій производства и представителей труда; мы желаемъ, чтобы въ новомъ порядкѣ жизни демократическаго государства этотъ антагонизмъ былъ-бы смягченъ широкимъ и разумнымъ ограниченіемъ класса собственниковъ въ пользу трудящагося люда, ибо въ послѣднемъ видимъ мы главную силу будущаго, которая позволитъ намъ современемъ перейти и къ соціализму. Въ дальнѣйшемъ такъ и условимся понимать, что демократическая республика дастъ дорогу труду, проявляющемуся однако въ *различныхъ* формахъ работы, соз-

дающей государственное и общественное благо. Уважая права фабричнаго и земледѣльческаго рабочаго, укажемъ, что къ серьезной и необходимой для государства и общества работѣ относится также и *интеллигентный* трудъ, трудъ различныхъ профессій, столь разнообразныхъ въ наше время, вызванныхъ къ существованію сложностью современной культуры. Почему мы должны, исходя изъ началъ демократизма, непремѣнно относиться пренебрежительно къ высшимъ степенямъ интеллигентнаго квалифицированнаго труда (къ труду напр. инженера, профессора, адвоката и т. п.)? Такое пренебреженіе можетъ возникать только изъ политическаго неразвитія, изъ темноты массъ. Вѣдь демократизмъ не отрицаетъ цѣнности высшихъ степеней *культуры* духа и формы для людей; развѣ онъ можетъ идти противъ аристократизма *духа, знанія и труда.* Нѣтъ, если мы примыкаемъ къ демократическому идеалу, то потому, что понимаемъ его, не какъ *приниженіе* культуры, а какъ стремленіе поднять массы на высшій уровень ея, внести свѣтъ, знаніе и воспитаніе въ темныя, забитыя нуждой и работой массы рабочаго люда. Вѣдь объ этотъ мечтаютъ и лучшіе представители соціалъ-демократизма и другихъ демократическихъ партій. Поэтому пусть намъ не бросаютъ укора въ отстаиваніи стараго отжившаго строя; это было бы несправедливо, когда мы говоримъ о квалифицированномъ трудѣ, о высшихъ ступеняхъ профессіональнаго, научнаго и общественнаго развитія личности, требуя уваженія къ этимъ качествамъ, выдвигаемымъ самимъ народомъ, и права на голосъ для представителей ихъ въ странѣ. Демократизма съ *отрицаніемъ* народной интеллигенціи, полагаемъ, не примутъ и самыя крайнія демократическія партіи. Мы поэтому позволяемъ себѣ сдѣлать изъ высказаннаго положенія и всѣ выводы въ направленіи къ созданію желательнаго политическаго строя нашего государства.

Всеобщее, прямое и равное голосованіе для выбора представителей въ органы законодательной власти съ обезпеченіемъ правъ и меньшихъ группъ населенія въ признаніи принципа *пропорціональнаго* представительства на выборахъ насколько возможно примирить въ ихъ политической *борьбѣ* всѣ группы населенія и послужитъ гарантіей истиннаго демократизма новаго строя. Если-же будетъ уваженъ народомъ также и голосъ собираемыхъ во 2-й палатѣ его выдающихся людей, имъ-же самимъ выдвинутыхъ на верхи знанія и труда и въ качествѣ *его-же* вождей въ выборномъ мѣстномъ управленіи, то полагаемъ, что врялъ-ли отъ этого послѣдуетъ какой-либо вредъ для государства и для самаго народа. Демократизмъ и принципъ политическаго равенства (если не понимать его только грубо-механически) не противорѣчатъ по нашему мнѣнію также существованію и 2-ой палаты представителей народа, построенной на трудовомъ принципѣ, въ особенности-же необходимой при проведеніи начала областничества или федерализма въ управленіи нашимъ общирнымъ отечествомъ. Что важно, это не давать ей лишь права абсолютнаго veto, т. е. права аннулировать, уничтожать законы, принятые 1-ой палатой являющейся непосредственной выразительницей *настроенія*, но не всегда *мудрости* народныхъ массъ. Спеціальныя знанія, опытъ и мудрость при выработкѣ законовъ могутъ найтись въ достаточномъ количествѣ у людей, выдвинутыхъ народомъ именно по *этимъ спеціальнымъ признакамъ* во вторую палату представителей. Это начало твердо устанавливаютъ лучшіе умы— государствовѣды, разбирающіе преимущества одно-палатной или двухъ-палатной системы народнаго представительства при выработкѣ законовъ страны.

Преслѣдуя цѣли только освѣдомительныя мы сочли своимъ долгомъ упомянуть о приведенныхъ началахъ учрежденія 2-ой палаты по трудовому принципу въ тѣхъ видахъ,

что если она будетъ существовать въ нашемъ государствѣ, то чтобы можно было отстаивать именно указанные принципы ея устройства, а не начала несправедливыхъ, тѣмъ болѣе наслѣдственныхъ или имущественныхъ привиллегій.

Итакъ, лучшая форма республики—демократическая республика, т. е. равная для всѣхъ, свободная для всякаго полезнаго труда, управляемая вождями народа, указанными имъ-же самимъ, допускаемъ съ принятіемъ во вниманіе также и голоса выдвинутыхъ народомъ *изъ своей среды* представителей его жизненныхъ знаній, опыта и труда.

III

Но мы—сибиряки должны прибавить сейчасъ же ко всему сказанному, что лучшей формой демократитеской республики является республика не централизованная, не управляемая республиканскими чиновниками, посылаемыми изъ центра, а съ признаніемъ *самостоятельныхъ* правъ на широкое самоуправленіе отдѣльныхъ областей нашей просторно раскинувшейся по 2-мъ странамъ свѣта Родины. Государственное управленіе въ демократической республикѣ должно носить поэтому характеръ также и *областническій*.

Дѣло въ томъ, что не только при монархическомъ строѣ, но и при республиканскомъ, система управленія страной можетъ быть централизованно-бюрократической. Примѣръ таковой системы управленія—республиканская Франція, не будь ей—нашей союзницѣ—въ обиду это сказано. Центръ государства въ такой республикѣ, т. е. столица ея (напр. Парижъ) претендуетъ, если не на прямое давленіе на всѣ окраины, то по крайней мѣрѣ на очень значительную долю вмѣшательства въ ихъ мѣстные интересы. Завѣдываніе этими интересами находится тогда въ рукахъ агентовъ, назначаемыхъ для провинціи республиканскими властями. Отъ того однако, что чиновники будутъ назначаться *республиканскимъ* Правительствомъ, характеръ, бюрократіи мало измѣ-

нится: она останется съ пороками всякой бюрократіи, какъ состоящей изъ людей, мало связанныхъ душой и жизнью съ тѣмъ дѣломъ на мѣстахъ, которымъ будетъ поручено имъ завѣдывать и управлять.

Отрекаясь отъ стараго міра, мы должны рѣшительно отречься, отряхая прахъ съ нашихъ ногъ, и отъ принципа бюрократическаго управленія страной через „приказныхъ", пусть даже приказныхъ новаго строя. Начала демократизма государственнаго управленія въ республикѣ требуютъ предоставленія въ областяхъ *мѣстнымъ* выборнымъ людямъ завѣдывать самостоятельно и всѣми мѣстными интересами, направляя соотвѣтственно мѣстнымъ нуждамъ ихъ организацію и развитіе. Въ каждой области, опредѣляемой въ обособленности ея отъ прочихъ частей государственнаго организма географическими, національными и другими условіями, должно быть образовано поэтому свое законодательное собраніе, которое должно самостоятельно разрѣшать всѣ мѣстные вопросы управленія и жизни области. Не отсылать же въ самомъ дѣлѣ всѣ эти вопросы попрежнему въ Петроградъ и ждать оттуда ихъ разрѣшенія! Необходимо *разгрузить* центръ, оставивъ ему лишь *руководящую* роль, и отнести разрѣшеніе мѣстныхъ вопросовъ къ компетенціи мѣстныхъ областныхъ властей. Примиреніе же областныхъ интересовъ съ общегосударственными должно быть отнесено къ работѣ центральнаго *народнаго представительства*, а отнюдь не быть въ рукахъ высшей, пусть даже республиканской администраціи.

Учредительному собранію будетъ надлежать подробно и точно опредѣлить сферу вмѣшательства, какъ законодательства, такъ и административныхъ распоряженій центральнаго Правительства страны въ управленіи на мѣстахъ, и опредѣленно указать тѣ вопросы, гдѣ этого вмѣшательства не должно быть допущено. Споръ о компетенціи областного

законодательнаго собранія, если онъ будетъ возбуждаемъ центральной властью, долженъ восходить на разрѣшеніе представительныхъ учрежденій; распоряженія же центральной административной власти, распоряженія министерствъ, если возникнетъ вопросъ о неправильности ихъ, могутъ быть опротестованы Верховному Суду по ихъ незаконности.

Не будемъ, преслѣдуя цѣли исключительно академизма т. е. приданія серьезно-научнаго вида нашей брошюрѣ, перечислять по пунктамъ разграниченіе компетенціи органовъ центральной и мѣстной власти въ другихъ странахъ, какъ напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Швейцаріи, въ Англіи. Къ непосредственному завѣдыванію Центральнаго Правительства относится все, касающееся общегосударственныхъ интересовъ: дѣла военныя, государственное монетное обращеніе, финансы и податное обложеніе на пользу государства, судъ, почта и телеграфъ, желѣзныя дороги, вопросы переселенія и т. п.; упорядоченіе же хозяйства на мѣстахъ, мѣстные пути сообщенія, жизнь деревни и городовъ, особенности мѣстнаго законодательства, насколько оно не противорѣчитъ общегосударственному, контроль надъ администраціей на мѣстахъ, содѣйствіе народному образованію и другіе вопросы обыкновенно входятъ въ сферу мѣстнаго областного законодательства. Перечисленіе этихъ пунктовъ можно прочесть въ каждомъ учебникѣ государственнаго права иностранныхъ державъ. Считаемъ долгомъ дополнительно къ сказанному отмѣтить лишь, что при неполномъ еще историческомъ сформированіи нашихъ окраинъ съ ихъ большимъ территоріальнымъ пространствомъ пустыхъ земель, придающимъ напр Сибири значеніе какъ бы колоніи въ отношеніи переполненныхъ населеніемъ центральныхъ мѣстностей Россіи, было бы большой ошибкой въ интересахъ общаго блага, въ интересахъ всего государства увлекаться послѣдовательнымъ проведеніемъ въ управленіи областями идеи федерализма и

добиваться полной автономіи окраинъ. Сдѣлать такой скачекъ, перейти сразу отъ централизованно-бюрократической системы управленія страной къ послѣдовательному федерализму въ ея управленіи, было бы противоестественнымъ переходомъ изъ одной крайности въ другую, усердіемъ не по разуму въ проведеніи новыхъ началъ государственнаго устройства, такая крайность была бы проведеніемъ принципа не единенія, а разъединенія, ибо, являясь осуществленіемъ политики „своей колокольни", *послѣдовательный* федерализмъ обдѣлилъ бы, обидѣлъ бы центръ нашего государства съ большинствомъ населенія страны; это же было бы противно началамъ истиннаго демократизма.

Потому примиримся только съ областничествомъ въ управленіи окраинами и скажемъ въ отношеніи Сибири, что для насъ—сибиряковъ демократическій принципъ въ устройствѣ будущей нашей республики выразится въ признаніи за отдѣльными областями Россіи лишь права на *широкое* мѣстное самоуправленіе съ завѣдываніемъ мѣстными людьми своими дѣлами и съ назначеніемъ областью своихъ выборныхъ людей на *отвѣтственные* посты службы государственной и общественной.

Такой лозунгъ долженъ примирить всѣхъ насъ мѣстныхъ людей, ибо имъ будутъ обезпечены достаточныя освѣдомленность агентовъ управленія въ мѣстныхъ нуждахъ и вниманіе ихъ къ мѣстнымъ областнымъ интересамъ при проведеніи въ жизнь на мѣстахъ общегосударственныхъ задачъ, опредѣляемыхъ центральною властью народнаго представительства. Широкое самоуправленіе въ хозяйственной областной жизни позволитъ нашимъ окраинамъ безъ подавленія извнѣ, изъ центра ихъ особенностей безпрепятственно въ скоромъ будущемъ экономически укрѣпиться и стать на правильный путь развитія.

Итакъ, управленіе въ нашей будущей демократической республикѣ должно носить характеръ *областническій.*

IV.

Мы не исполнили бы своей обязанности передъ читателемъ, если бы не упомянули о военной силѣ, объ арміи въ демократической республикѣ. Вѣдь армія играетъ у насъ такую большую роль въ настоящее время; она является *силой*, на которую опирается новый порядокъ. Роль арміи можетъ заключаться однако не въ управленіи народомъ, а лишь въ *охранѣ государственнаго строя, установленнаго волей народа.* Въ каковую форму не вылилась бы военная сила государства, въ форму ли постоянной арміи или кадровъ народной милиціи (при веденіи современной войны вооруженными народами кадры милиціи должны быть также велики). Военная сила *управлять* государствомъ не должна: это не ея задача, не для того она создается; она создается для охраны государства, извнѣ—отъ внѣшняго врага, нападающаго на страну, внутри—противъ анархическихъ посягательствъ отдѣльныхъ группъ населенія, стремящихся силою захватить власть управленія надъ всѣмъ народомъ. Въ виду этой двойной задачи организація народной арміи въ демократической республикѣ затруднительна; въ ней приходится совмѣщать два противоположныхъ начала. Съ одной стороны въ цѣляхъ приданія арміи грозной внѣшней силы, въ цѣляхъ созданія изъ нея совершеннаго боевого аппарата, необходимо провести въ организаціи арміи почти механическое начало единства ея, единства въ подчиненіи своему офицерскому командному составу, единства, создающаго изъ арміи грозный и мощный организмъ, двигаемый изъ его центра одною волей Главнокомандующаго съ его совѣтомъ; вѣдь они проводятъ въ кампаніи на театрѣ войны опредѣленный планъ, при строгомъ исполненіи котораго только и можно достигнуть съ нею успѣха, побѣды надъ врагомъ въ современной войнѣ. Это, мы полагаемъ, ясно.

Но съ другой стороны идеальная сплоченность арміи, если послѣдняя совершенно отстранена отъ политики, дѣлаетъ изъ нея силу, опасную для свободы, устанавливаемой въ республикѣ ея демократическимъ строемъ; армія, привыкшая слѣпо повиноваться высшему командованію, можетъ стать послушнымъ орудіемъ однихъ только *правящихъ* группъ населенія. Вѣдь чѣмъ напримѣръ, какъ не слѣпымъ подчиненіемъ неразвитыхъ политически войскъ держался царизмъ въ послѣдніе полвѣка русской исторіи.

Вотъ, для избѣжанія повторенія такого положенія, демократической республикѣ необходимо имѣть прежде всего высшій командный составъ арміи, неспособный сдѣлать ее въ личныхъ своихъ цѣляхъ (въ согласіи съ какой-либо одной группой населенія), орудіемъ, направленнымъ противъ свободы всего народа. Затѣмъ для устраненія опасности захвата арміей господства въ пользу одного класса въ демократической республикѣ необходимо имѣть армію также сознательную, преданную въ лицѣ не только своихъ офицеровъ, но и солдатъ идеаламъ свободнаго политическаго строя ихъ родины.

При осуществленіи этой задачи и создается самое трудное положеніе для арміи: можно ли пріобщить ее къ дѣламъ управленія и къ страстной борьбѣ политическихъ партій, не разрушая въ ней единства настроенія и повиновенія ея вождямъ? Это чрезвычайно важный вопросъ.

Мы не говоримъ про настоящее *исключительное* время: теперь весь народъ одѣлся въ сѣрую солдатскую шинель, и ему конечно нельзя въ важный политическій моментъ жизни страны пресѣчь путей къ вліянію на разрѣшеніе ея важнѣйшихъ политическихъ задачъ; и народная армія Россіи взялась за разрѣшеніе ихъ съ цѣлью спасти государство отъ разрухи, къ которой привелъ его старый порядокъ. Спасибо ей за это. Въ исключительный моментъ страшнаго военнаго

напряженія страны голосъ арміи сталъ звучать, какъ голосъ народа, направляющаго *свою* политическую жизнь. Но оторвемся немного отъ настоящаго момента и заглянемъ въ будущее, когда минетъ этотъ критическій моментъ. Армія нормальнаго мирнаго времени является лишь *кадромъ*, сильной военной организаціей, кадромъ, одной профессіональной ячейкой среди другихъ силъ въ народѣ; она должна будетъ подчиняться, какъ боевой аппаратъ, народной волѣ, избранному ею—этой волею Правительству. Стремиться давить на народъ своей кадровой военной силой врядъ-ли можетъ быть поставлено арміей въ кругъ своихъ задачъ. Такое давленіе было—бы узурпаціей Верховныхъ правъ *всего* народа со стороны *одной* лишь его профессіональной группы, и напомнило-бы намъ господство военной силы легіоновъ въ Римѣ Императорскаго періода (вооруженная сила всегда наклонна выдвигать въ концѣ концовъ своихъ вождей на роли неограниченныхъ властителей надъ прочей массой народа).

Стремленіе армейской военной организаціи мирнаго времени играть политическую роль на базисѣ своей вооруженной силы противорѣчило бы поэтому принципу демократизма, принципу *народоправства* въ республикѣ, осуществляющаго волю всего народа.

Исходя изъ этого соображенія, политическое вліяніе военной силы можно допустить лишь въ исключительные періоды жизни государства, когда вооружается *самъ народъ*, вливая въ военую организацію всѣ свои наличныя силы, объединяясь съ ней.

Въ демократической-же республикѣ при мирномъ теченіи государственной жизни, предоставленіемъ военнослужащимъ общегражданскихъ политическихъ правъ, что позволитъ имъ участвовать въ политической жизни своей родины, состоя и на военной службѣ, будутъ достаточно обезпечены должная

сознательность арміи и ея политическая зрѣлость. Эти качества воспрепятствуютъ чьимъ бы то ни было попыткамъ сдѣлать армію слугою своихъ сепаратныхъ интересовъ, направить ее противъ свободы народа.

Внутри своей профессіональной военной организаціи военнослужащій долженъ быть только солдатомъ или офицеромъ, чтобы удовлетворительно исполнить передъ свободнымъ народомъ свой долгъ. Въ арміи онъ долженъ *подчиняться и командовать*, безъ чего невозможно исполненіе ею своихъ задачъ.

Исходя изъ этого, ни одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ теоретиковъ военнаго права не могъ не оговориться, что при исполненіи воинскаго дѣла политика должна быть отставлена въ сторону, и въ условіяхъ боевого обученія и сраженій, каждый гражданинъ долженъ смотрѣть на себя только, какъ на солдата или офицера. Будемъ помнить, что теперь одѣлся въ солдатскую шинель весь народъ, и потому его военныя организаціи не могутъ не имѣть политическаго значенія. По прошествіи же войны при мирномъ теченіи государственной жизни давать кадрамъ арміи самостоятельную *внутриказарменную политическую* организацію, значило бы создать изъ нея силу, опасную для свободы самого народа, опасную для того-же современнаго намъ солдата, который сниметъ послѣ войны сѣрую шинель и уйдетъ въ деревню или въ городъ работать на землѣ, на фабрикѣ или свободнымъ трудомъ профессіонала.

Итакъ въ демократической республикѣ армія мирнаго времени не должна быть политической силой, а должна подчиняться политической силѣ *всего* народа, пріобщаясь къ ней въ его общегражданскихъ политическихъ организаціяхъ.

Въ заключеніе оговоримся, что при широкомъ проведеніи принципа областничества 2-я палата на основѣ *представительства областей неизбѣжна.*

